

Малюк Н.И.

СЕРЕБРЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ КОНСКОЙ УЗДЫ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ УКРАИНЫ

С 1969 по 1972 гг. и в 1974 г. Южнобугской экспедицией Института археологии АН УССР (руководитель – Ковпаненко Г.Т.) велись раскопки восьми курганных групп в окрестностях села Ковалёвка Николаевской области. Завершающим аккордом работы экспедиции стало исследование кургана Соколова могила (1974 г.)¹. Находки из обнаруженного в нём богатого сарматского захоронения затмили находки из позднекочевнических захоронений, исследованных ранее. Однако материалы, полученные в 1971 г. при исследовании курганов №№ 4, 6, 11, содержавших позднесредневековые кочевнические погребения, представляют особый интерес, так как являются уникальными материальными источниками для изучения пока ещё слабо освещённого в украинской историографии периода существования на огромных пространствах Евразии единого Монгольского государства, в состав которого входила и значительная часть территории современной Украины, и возникновения Золотой Орды. Важное значение для понимания социокультурных процессов, происходивших в это время, имеет анализ ювелирных изделий, ярко отражавших культурные влияния и взаимодействия, а также эстетические предпочтения элит, становящиеся образцом для широких слоёв разнородного населения и формирующие элементы народной культуры.

Большая часть изделий из драгоценных металлов, найденных в позднекочевнических захоронениях близ с. Ковалёвки, была передана из Института археологии АН УССР в Музей исторических драгоценностей Украины в 1980 г. Наиболее яркими и значимыми нам представляются находки из распаханного кургана № 6, содержавшего одно захоронение. Оно находилось в могильной яме прямоугольной в плане формы, ориентированной по длине с северо-запада на юго-восток. На плахи, перекрывавшие яму, были положены два стремени, деревянное двулучное седло и, возможно, лук (сохранились костяные накладки). «На дне ямы в колоде ладьевидной формы из толстого ствола дерева находилось погребение воина. ...Крышка колоды, изготовленная из большого куска луба, была покрыта тонким слоем алебаstra, на котором сохранились следы росписи красной краской. На крышке колоды в центральной части лежали кучкой предметы конской узды: железные удила /5/, прикрепленные к удилам серебряные пластинки с остатками кожи /6/, серебряные бляхи с дужкой /7/, серебряная пластина для крепления султана /8/, небольшая литая бляшка /наносник?/ /9/, железное кольцо /10/, серебряная тонкая пластина /10-а/ и серебряная пряжка с остатками кожи /10-б/. Погребённый лежал на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища... Под головой лежала скатанная валиком кольчуга, за головой, в левом углу колоды – железный шлем. Слева от погребённого – остатки берестяного колчана с

орнаментированными костяными пластинками-накладками (в колчане – 3 стрелы), справа – остатки кожаной сумочки с кресалом, железный нож с деревянной ручкой, железный напильник в деревянных ножнах и перевернутая вверх дном серебряная чаша»².

В фонды Музея исторических драгоценностей были переданы серебряная чаша с растительным орнаментом; обозначенные в отчете о раскопках и в музейной документации как уздечка разного типа бляхи и пряжки: с изображением «оленя», фигурные, пластинка плоская, украшенная растительным орнаментом, бляха в виде стилизованной головы рогатого животного, пряжка прямоугольной формы с подвижным язычком, обойма квадратная, пластины-зажимы повода, пластина-султан арочной формы с ворваркой в центре, украшенная растительным орнаментом (разломанная на две части).

Находкам из кургана № 6 была посвящена единственная публикация, вышедшая спустя 30 лет после раскопок, авторы которой – М. Горелик и Г. Ковпаненко – отметили, что «дата и культурная принадлежность погребения, на основании аналогий, прежде всего, погребального обряда, а также вещей, не оставляет места сомнениям: датированные монетами аналоги от нижнего Поднепровья до Казахстана...и примыкающие к ним памятники надёжно датируют наш памятник концом XIII – XIV вв. и вводят его в круг типичных для культуры государств Чингизидов»³. Безусловно, находки из Ковалёвки заслуживают дальнейшего изучения, особенно учитывая необычность некоторых из них для территории Украины.

Особый интерес, ввиду своей уникальности, представляют украшения уздечки – серебряные наносный султанчик и пластины, атрибутированные М. Гореликом и Г. Ковпаненко как зажимы повода.

Рис. 1. Султанчик наносный № АЗС-3242

Султанчик № АЗС-3242 (рис. 1) – это украшение конского снаряжения, состоящее из пластины-основы и закреплённой на ней втулки и служащее для фиксации волосяного или перьевого султана на наносном ремне оголовья. Пластина изогнута в виде коромысла и относительно невелика: её ширина колеблется от 10 мм в самом широком месте до 7 мм

в самом узком, длина – 110 мм. В расширяющейся центральной части пластины-основы в круглом отверстии закреплена воронковидная втулка, изготовленная из свёрнутой пластины. По её верхнему краю напаяна круглая в разрезе проволока, формирующая декоративный валик. Высота втулки – 16 мм, диаметр нижний 8 мм, верхний 17,5 мм. Пластина крепилась к ремню на четырех штифтах (на пластине сохранился один), отверстия для которых пробиты на ее концах и в центральной части по бокам от втулки. Лицевая поверхность пластины украшена чеканным орнаментом в виде вьющегося побега, орнамент обрамлен линией, повторяющей контур пластины.

Известны разнообразные султанные украшения, которые закреплялись на наносном или на налобном ремне оголовья, а также начельные (между налобным и затылочным ремнями) или крупные (закреплялись на крупном ремне снаряжения коня). Традиция украшения верховых коней наносными султанчиками зафиксирована в настенных росписях второй половины VII – VIII в. Афрасиаба, где изображено семь лошадей с наносными и налобными султанчиками. Очевидно, она была заимствована тюрками – это подтверждается изображениями наносных султанчиков в тюркских петроглифах Монгольского Алтая. Тюрки продолжали использовать такие декоративные изделия на протяжении VIII – X вв.⁴

Но наиболее характерны пластины с втулками для крепления волосяных султанов к наносному ремню узды для аскизской культуры Южной Сибири⁵. «Широко распространившееся еще в IX – X вв., это украшение – массовая находка в аскизских курганах XI – XIV вв.; видоизменения его встречаются и в позднесредневековых хакасских материалах»⁶. Манера подобного украшения уздечек получила распространение за пределами аскизской культуры, у кыпчаков Южного Урала в конце XIII–XIV вв.⁷

Исследователь аскизской культуры И.Л. Кызласов разработал схему развития наносных султанчиков от небольших цельнолитых с втулкой квадратных и ромбовидных пластин до узких длинных продолговатых изогнутых пластин со вставными втулками. Характерной особенностью этих изделий является серебряная инкрустация по железу и преобладание геометрического орнамента⁸.

На территории Украины более известны конские начельные султанчики, которые характерны для салтово-маяцкой культуры (комплексы, прежде всего относящиеся к аланскому населению). Вероятно, начельные украшения оголовья были атрибутом узды, обозначавшим всадников, принадлежавших к воинской верхушке⁹.

Единственный известный наносный султанчик аскизского типа на территории современной Украины найден в 1904 г. в захоронении воина возле посёлка Петровское, в Таганрогском округе области Войска Донского (сейчас село Петровское, Шахтерский район, Донецкая область). И.Л. Кызласов отметил, что значительная часть предметов, происходящих из этого захоронения, относится к аскизской археоло-

гической культуре и была выполнена хакасскими ремесленниками XIII–XIV вв. По его предположению, предметы аскизского облика – уздечка и седло – были трофеями, захваченными кыпчакским воином на Енисее во время подавления восстания енисейских кыргызов кыпчакскими воинскими соединениями под предводительством Тутухи¹⁰.

Наносный султанчик из Ковалёвки, имеет, безусловно, конструктивное сходство с аскизскими султанчиками XIII века, но, в то же время, существенно отличается от всех известных изделий такого типа. Прежде всего, это отличие в материале – украшение выполнено из серебра высокой пробы, в отличие от изделий хакасских ремесленников, выполненных из железа или бронзы и лишь декорированных серебряной насечкой.

Отличается и его декоративное решение – фигурно вырезанная пластина, окончания которой имеют форму стрельчатых арок, украшена чеканным орнаментом в виде вьющегося побега с широкими, сужающимися к концу листьями, поверхность которых оживлена несколькими легкими штрихами, фон зачеканен кольцевым пуансоном (рис. 2). Изображению растения присущи гибкость и пластичность, что делает его достаточно реалистичным. Чеканка выполнена инструментом с небольшим диаметром.

Рис. 2. Султанчик наносный № АЗС-3242. Орнамент

Аналогичный орнамент украшает и пластины АЗС–3243/1-2 (рис. 3-4), которые были прикреплены к кольцам, заменившим в средние века псалии в узде. Пластины, находящиеся в коллекции МИДУ (их размеры соотносимы с размерами султанчика: длина – 58 и 52 мм, ширина – от 11 до 8 мм), разломаны, и части их (Коллекция № 832/V, №№С-68, 69), вместе с фрагментами железных уздечных колец, хранятся в фондах ИА НАНУ¹¹. Фигурная форма пластин близка форме пластины султанчика, и можно было бы предположить, что вместе они составляли специально изготовленный комплект, которому присуще единое художественное решение. Однако, оказалось, что концы тех частей пластин, которые были согнуты и прикреплены к кольцам, срезаны углом, при этом утрачены элементы орнамента. Вероятно, если бы эти пластины изначально были предназначены для подобного использования, не было бы необходимости украшать их полностью каким-либо изображением, а потом часть его уничтожать. Обращает на себя внимание характерный вырез у линии слома пластин, хранящихся в музее – аналогичным образом, только более плавно, с двух сторон сужается пластина-основа султанчика, далее округло расширяясь к центру, где в отверстии и закреплена втулка. Возможно, пластины, которые были поняты как

зажимы удила, изначально представляли собой фигурные изделия, аналогичные по форме пластине султанчика, предназначенные, скорее всего, для изготовления подобного же украшения. Использование же их в качестве накладок на уздечные кольца вторично.

Рис. 3. Пластина АЗС-3243/1

Рис. 4. Пластина АЗС-3243/2

Мотив вьющегося побега, заимствованный из китайского искусства, был распространён в искусстве Монгольской империи, но на разных группах изделий он имеет свои особенности. Рисунок орнамента султанчика и пластин из Ковалёвки наиболее близок рисунку стебля в бордюре венчика т.н. Ивдельской чаши (Приуралье, клад, найденный в 1957 г., Государственный Эрмитаж), декору венчика серебряной кружки, найденной в Сургутском Приобье (коллекция Уральского государственного университета) и кубка из находок на реке Иртыш в Тобольской губернии. По определению М.Г. Крамаровского, все три сосуда входят в «круг вещей, происходящих из Западной Сибири и Приуралья, и произведённых одной или несколькими родственными мастерскими в относительно короткий промежуток времени 2-й половины XIII – нач. (первой трети) XIV века... География ремесленного центра ограничивается на востоке бассейном сургутского Приобья, а на западе – Средним Уралом и Пермским краем»¹².

И.Л. Кызласов счёл узор, украшающий пластины из Ковалёвки, характерным для местной торевтики¹³, не уточнив всё же определения «местная». Но, как было отмечено, аналогичный узор характерен для некоторых западносибирских и приуральских изделий, и, поскольку, кроме орнаментальной манеры, нет иных признаков, которые достаточно надёжно определяли бы место производства украшения узды из фондов МИДУ, их можно связывать с художественным металлом среднежужидского времени, производимым ремесленниками кочевых ставок Сибири. Несомненно, в форме некоторых изделий могло сказаться влияние кыргызской традиции, ведь Минусинская котловина находится недалеко

от низовий Иртыша, т.е. от тех мест, где в свое время располагалась ставка Джучи-хана. На данный момент не известны непосредственные аналоги украшениям узды из кургана возле с. Ковалёвка.

Одной из особенностей, которую невозможно не отметить, было то, что в захоронении находились предметы – чаша, детали узды – украшенные в стилистически близкой манере с использованием характерного для средневековых тюрок растительного кода, который выражает концепцию бессмертия и бесконечного возрождения природы¹⁴.

Иконографические материалы, в частности, произведение китайского художника Лю Гуаньдао «Охота Хубилая», персидские миниатюры, иллюстрирующие «Сборник летописей» (известный как «Всемирная история» или «Джами ат-таварих») Рашид ад-Дина дают представление об использовании подобных украшений конской упряжи элитой Монгольской империи и государств Чингисидов – таким образом украшена узда коня жены Хубилая, украшена наносными султанчиками узда лошадей наиболее значимых персонажей персидских миниатюр, в частности, командиров личной гвардии великого хана.

Можно предположить, что человек, которому принадлежала украшенная таким образом узда, занимал высокое социальное положение, возможно, принадлежал к кыпчацкой знати Южной Сибири. Об этом могут свидетельствовать и особенности погребального обряда, как то отсутствие лошади и погребение с ориентировкой на запад с отклонением к северу – «характерный обряд азиатских кыпчаков... От обряда родственных европейских племён погребения кыпчаков из Казахстана отличаются не только ориентировкой, но и отсутствием лошади... (это же наблюдается и в захоронении у пос. Петровского)»¹⁵. Захоронение без коня, но с уздечкой, свидетельствует о становлении нового обряда и, возможно, о наделении именно узды той магической силой, которая даёт власть над конём и возможность в ином мире вызвать его, как в сказке, звоном уздечки.

О высоком социальном статусе погребённого, кроме престижных серебряных изделий, свидетельствует и наличие набора защитного снаряжения – шлема и кольчуги. Погребения с металлическими доспехами составляют всего 8,2% из известных около 1960 комплексов половецко-золотоордынского времени на территории Восточной Европы, их в 2 раза меньше, чем погребений с саблями¹⁶.

Появление на западных территориях захоронений южносибирских кыпчаков представляется весьма вероятным, учитывая их активное участие в военно-политических событиях и службу у монгольских ханов и юаньских императоров¹⁷, насильственное перемещение части западных половцев в Центральную Азию, а также происходившее перераспределение кочевий и пастбищ¹⁸. Характерным для государств Чингисидов было и формирование из местного населения воинских подразделений, с командирами среднего звена, происходящими из других областей государства и не имеющих кровнородственных связей со своими подчиненными. Вероятно, таким командиром или «чиновником» мог быть

воин, захоронение которого исследовано у с. Ковалёвка. Среди его погребального инвентаря могли быть трофеи, но прежде всего должны были быть своеобразные знаки отличия, к которым относились поясные пряжки, султанчик и пиршественная чаша.

Эти хранящиеся в Музее исторических драгоценностей Украины произведения торовтики среднежучидского периода, выполненные в имперской художественной традиции ремесленниками Западной Сибири, служившие знаками отличия кипчакского воина и найденные в кургане на землях, бывшими когда-то кочевьями половцев, являются яркими свидетельствами тех сложных процессов, аналогичных современной глобализации, которые, как полагают некоторые ученые, происходили в домодерной мир-системе XIII века¹⁹.

Примечания:

- ¹ Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. К., 1978. С. 7-132.
- ² Науковий архів ІА НАНУ. Ф. 1971/33.
- ³ Горелик М., Ковпаненко Г. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. Пенза, 2001. С. 154-164.
- ⁴ Горбунова Т.Г. Использование иконографических источников при реконструкции снаряжения верхового коня тюркской культуры // Изучение историко-культурного наследия народов южной Сибири. Выпуск 3-4.- Горно-Алтайск, 2006. С. 193-199.
- ⁵ Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X – XIV вв. М., 1983. С. 94-95, 126.
- ⁶ Кызласов И.Л. Изменения в материальной культуре кыпчаков в XIII – XIV вв. в связи с политическим положением в Азии // Археология Сибири. Смена культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 103.
- ⁷ Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул, 2009. С. 121.
- ⁸ Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII – XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время) // Советская археология. М., 1978. №1. С. 130-135.
- ⁹ Аксёнов В.С. Комплексы конского снаряжения салтовского времени с нагельниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 4. Донецк, 2005. С. 245-260; Аксёнов В.С. Погребение с конским начальником № 482 Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры // Хазарский альманах. Том 9. Харьков, 2010-2011. С. 22-44.
- ¹⁰ Кызласов И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племён // Советская археология. М., 1980. № 2. С. 80.
- ¹¹ Колекції наукових фондів Інституту археології НАНУ. Каталог. К., 2007. С. 19-20.
- ¹² Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001. С. 80-92.

- ¹³ Кызласов И.Л. 1987. Указ. соч. С.105.
- ¹⁴ Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово, 2008. С. 222.
- ¹⁵ Кызласов И.Л. 1980. Указ. соч. С. 91.
- ¹⁶ Потёмкина Т.М., Кулешов Ю.А. Погребения восточноевропейских средневековых кочевников с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 8. Донецк, 2010. С. 273.
- ¹⁷ Кадырбаев А.Ш. Тюрки Великой Степи в правящей элите юаньской империи при Хубилай-хане. 1260-1294 гг. // Восточный архив. 2000. №4-5. С. 66-76.
- ¹⁸ Фёдоров-Давыдов Г. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 235.
- ¹⁹ Abu-Lughod, J. Before European Hegemony. New York: Oxford University Press. 1989.